

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

СПАСЛА СТАНЦИЮ
СТАЛЬНОГО
МУЖИКА

Виктория Шнайдер Екатерина Мелкова Спасла станцию стального мужика

<https://litres.ru/74554239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда столичная журналистка и инженер Марина попадает в аварию в донской степи, её спасает суровый бригадир Захар. Вместе им предстоит раскрыть заговор против урожая, сразиться с бандитами и спасти станцию. Но главное — между ними вспыхивает настоящая любовь, закалённая в огне и стали. Эта история о мужестве, верности и о том, что дом там, где любимый человек. Для тех, кто верит в сильные чувства и счастливый финал.

Содержание

Глава 1. Над Суходолом	5
Глава 2. Чужое железо	14
Глава 3. Ночь в пятистенке	24
Глава 4. Дедовская карта	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктория Шнайдер Спасла станцию стального мужика

Спасла станцию стального мужика

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Над Суходолом

Я вела редакционный «Соболь» по разбитому грейдеру четвертый час. Степь дышала раскаленной полуденной охрой, выжигая горизонт до дрожащей белесой мути; за машиной тянулся тяжелый шлейф известняковой пудры. В салоне пахло нагретым дерматином, горьким чабрецом и старыми подшивками «Агровестника». На пассажирском сиденье подпрыгивал на ухабах потертый кофр с материалами расследования — сотни страниц актов выбраковки, показания механизаторов и снимки рассыпавшихся приводов, из-за которых три южных района стояли на грани срыва уборочной.

Еще три дня назад я сидела в кондиционированном столичном офисе на Тверской, вычитывая верстку полос, а теперь сухой раскаленный ветер бил в опущенное стекло, на зубах скрипел известняк, и жесткие рессоры «Соболя» отсчитывали каждый скол растрескавшейся суглинистой колеи. Вокруг до самого горизонта волновался бурый от зноя ковыль, и этот сухой травяной шелест о пороги смывал воспоминания о паркетах быстрее любого редакционного приказа.

До поселка Красногвардейское оставалось три километра, когда дорога резко пошла под уклон к сухому руслу балки Суходола. Впереди, над узким бетонным мостиком, подра-

гивало марево.

Я коснулась педали тормоза перед съездом на плиты.

Педадь провалилась. Мягко, без сопротивления, с пустым шипением лопнувшей трубки уйдя в самый войлок пола.

Холодная волна прокатилась от затылка к пальцам.

— Ну же, держись... — выдохнула я сквозь зубы, качнув педадь еще дважды. Пустота. Тормозная жидкость ушла на-чисто.

Фургон стремительно набирал ход на уклоне. Спидометр перевалил за семьдесят, стрелка подбиралась к восьмидесяти. Внизу зиял пятнадцатиметровый обрыв с глиняными пластами и горами камня. Единственным препятствием перед пропастью служил ржавый швеллер мостового ограждения.

Я рванула ручник вверх, одновременно втыкая третью передачу, чтобы осадить машину двигателем. Раздался визг трансмиссии, запах паленого сцепления ударил в ноздри, задок вильнул на гравии. Справа раздался сухой пушечный треск — полуось лопнула, а обломок заклинил ступичный узел. Фургон закрутило юзом, боком бросило на парапет, и удар вмял правую стойку, выбив паутину трещин на лобовом стекле.

Двигатель заглох.

Я повисла на ремне, вцепившись пальцами в руль. Отстегнув пряжку, попыталась выбить водительскую дверь плечом — бесполезно. Деформированный проем зажало намертво.

И тут машина шевельнулась.

Металлический скрежет прокатился под днищем. Я скосила глаза в зеркало и похолодела: задняя ось «Соболя» висела в воздухе над обрывом. Швеллер ограждения со стоном рвущихся болтов кренился в бездну. Гравий с шелестом осыпался вниз. Одно неловкое движение — и две тонны железа рухнут на каменные зубья Суходола, похоронив и меня, и результаты расследования.

«Только не кофр», — забилась в голове острая мысль.

Я потянулась к пассажирскому сиденью, прижимая сумку к груди. Фургон снова вздрогнул, накренившись еще сильнее. Запахло бензином.

И в этот миг тишину разорвал гул тяжелых шагов.

Сквозь мутную сетку стекла я увидела мужчину, бегущего со стороны съезда к машинно-тракторной станции. Огромный богатырь в расстегнутой на мощной груди рубашке механизатора. Рукава куртки были закатаны, обнажая литые, бронзовые от загара предплечья с канатами жил. В правой руке он нес полуметровый разводной ключ.

Его лицо словно высекли из гранита: тяжелая челюсть, крупный нос и темные, цепкие глаза под густыми бровями.

Он на ходу оглядел машину и метнулся к заклинившей двери.

— Не шевелись в кабине! — голос прозвучал низко и гулко. — Массу выключи, если дотянешься!

— Выключила! — крикнула я, ощущая, как подрагивает

подбородок.

Он вогнал плоскую рукоять ключа в стык между стойкой и дверью, уперся плечом в крышу фургона и налег всем телом. Металл затрещал. Раздался звон лопнувших сварок — и дверь распахнулась.

Машина качнулась назад, швеллер просел еще на ладонь. Колесо повисло в пустоте.

— Руку давай! Живо! — скомандовал он, протягивая широкую ладонь.

Я попыталась шагнуть наружу, но туфля застряла между погнутой педалью и кожухом колонки. Кузов под ногами заскользил вниз по насыпи.

— Держись!

Мужчина шагнул на край крошащейся плиты, перегнулся через порог кабины и подхватил меня под спину и колени, выдернув из кресла одним мощным движением. Туфля осталась в педалях, я ухватилась одной рукой за его плечо, другой прижимая кофр к животу.

В следующую секунду позади с оглушительным грохотом сорвался швеллер. Задняя часть фургона провалилась в пустоту, передние колеса повисли над асфальтом, задрал нос машины к небу в страшной свече.

А я уже была на твердой земле.

Мужчина стоял на обочине, не выпуская меня из рук, и тяжело, размеренно дышал. Моя щека прижималась к его ключице сквозь распахнутый ворот рубы. От него пахло по-

лынью, горячим металлом, машинным маслом и тем чистым мужественным жаром, который невозможно спутать ни с чем. Под моими пальцами перекачивались тугие мышцы его спины. Сердце колотилось в горле, но ледяное напряжение отпустило — я наконец смогла вдохнуть полной грудью.

Он опустил меня на сухую траву бережно, придерживая за талию, пока я не устояла на одной босой ноге.

— Живая? — спросил он, вглядываясь в мое лицо темными глазами. — Кости целы?

— Живая... — выдохнула я, расправляя плечи. — Спасибо. Если бы не вы...

— На «если бы» в степи хлеб не растет, — оборвал он коротко, но в глубине взгляда мелькнуло скупое одобрение: он заметил, что я первым делом проверила замки кофра. — Захар Буров. Бригадир здешней МТС.

— Марина. Марина Волкова, спецкор журнала «Агро-вестник», — представилась я, протягивая ему руку.

Его широкая ладонь, твердая и шершавая от металлической пыли и мозолей, обхватила мои пальцы. Рукопожатие вышло коротким, но удивительно весомым.

— Слышал про вас, Волкова, — Захар бросил взгляд на висящий фургон. — Писали, что комиссия едет. Только дороги у нас для столичных карет не приспособлены. Постой здесь, не подходи к насыпи.

Он зашагал к стоявшему у ворот МТС трактору «Беларус» МТЗ-82. Через минуту трактор взревел дизелем, подкатил

к мосту, Захар зацепил стальной трос за крюк «Соболя» и мягко выволок фургон из ловушки на безопасный асфальт.

Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как внутри разливается щемящее тепло. Настоящий хозяин. Мужик от земли, для которого железо — живая материя.

За трактором я дошла до станции, прижимая спасенный кофр к боку.

Двор машинно-тракторной станции открывался за воротами просторным железобетонным плацем, над которым кружили ласточки. После раскаленного марева под высокими фермами цеха царила прохладная полутьма, напоенная ароматами масла И-20А, керосина, свежей стружки и сладковатого дыма кузнечного горна.

Захар загнал «Соболь» в третий ремонтный пролет, к смотровой яме. Выключив зажигание трактора, спрыгнул на бетон, отряхнул ладони и повернулся ко мне:

— Сейчас глянем, что у тебя там отвалилось, столичная штучка.

— Я не штучка, Захар, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. Я оставила вторую туфлю в кабине и шла по прохладному бетону в одних носках, ступая осторожно, но с высоко поднятой головой. — Я инженер-металловед по первому образованию. Закончила Бауманку с красным дипломом. И прекрасно слышала, как срезало фланец ступицы.

Захар замер, затем медленно окинул меня взглядом — от строгой юбки до цепкого взгляда, оценивающего станки це-

ха. Уголок его рта дрогнул в едва заметной усмешке.

— Инженер, значит? Посмотрим. Мишка, домкрат сюда! Васька, чурбаки страховки под мост!

Из глубины бокса выскочили двое парней в спецовках. Кокренастый слесарь Мишка подвел домкрат под балку моста, а девятнадцатилетний стажер Васька подложил дубовые опоры. Колесо повисло в воздухе.

Из диспетчерской вышла пожилая женщина в цветастом фартуке — Александра Тимофеевна, которую все звали бабой Шурой. В руках она несла эмалированную кружку и пару чистых рушников.

— Господи помилуй, Захарушка, кого это ты привез? — заохала она, оглядывая мой пыльный вид и босые ноги. — Вся в мелу, перепуганная! А ну-ка, милая, выпей водицы студеной из колодца. А я тебе в бытовке войлочные чуни найду, не ровен час стружку в пятку загонишь!

— Спасибо, Александра Тимофеевна, — искренне улыбнулась я, принимая кружку.

Вода обожгла горло артезианским холодом, смывая пыль и страх. Следом баба Шура сунула мне стакан парного молока:

— Пей, доченька, пей. Молоко стресс снимает почище городских таблеток. А мужикам не мешай, разберут по косточкам.

Я натянула мягкие войлочные тапочки и подошла к яме, где Захар уже орудовал пневматическим гайковертом.

Ступичные гайки поддались с сухим щелчком. Захар снял тяжелое колесо, отставил к колонне и посветил переноской в оголившийся тормозной барабан. На пол с глухим стуком выпал обломок полуоси длиной сантиметров двадцать.

Захар поднял его, повертел перед глазами и нахмурился: — Срезало по галтели. Металл словно пластилиновый. Машина-то свежая.

Я подошла вплотную и опустилась на корточки рядом с ним. Плечо Захара коснулось моего — горячее, надежное, пахнущее ветром и железом. Я взяла скол и поднесла к свету лампы.

— Смотрите сюда, Захар, — сказала я, проводя подушечкой пальца по шероховатой поверхности излома. — Излом рыхлый, зерно крупное. Напильник берет поверхность, как сырой прокат. Похоже на низкоуглеродистую болванку с декоративным чернением вместо термообработки; марку подтвердим анализом. Такую полуось ставить в машину нельзя. Изготовитель должен предъявить сертификат и результаты термообработки.

Захар повернул голову ко мне. Расстояние между нашими лицами сократилось до ладони; я видела золотистые крапинки в глубине его темных глаз и крошечный шрам у виска. Он отложил обломок металла и посмотрел мне в лицо. Внимательно, глубоко, словно заново открывая для себя женщину рядом.

— А ты, Волкова, не из робких, — негромко произнес он,

и в его голосе прозвучали бархатные нотки, от которых по спине пробежали мурашки. — Другая бы в обмороке валялась. А ты сразу в кристаллическую решетку смотришь.

— Работа такая, — сдержанно отозвалась я, хотя дыхание сбилось от его близости. — Я приехала сюда вскрывать гнойник. Этот сарайный металл сейчас по всему району поля останавливает.

— Верно говоришь, — Захар поднялся во весь двухметровый рост, поднимая за собой и меня за локоть. Его рука задержалась на моем предплечье чуть дольше положенного, и сквозь ткань блузки я ощутила обжигающее тепло его пальцев. — Полуось надо новую ковать и калить по уму. До вечера управимся, если сталь найдем. Располагайся пока в конторе.

Я положила обломок рядом с кофром: теперь у моего исследования появилась собственная улика.

Глава 2. Чужое железо

Пока слесари разбирали мост фургона, я перенесла материалы в диспетчерскую.

К шести вечера жара начала спадать, уступая место малиновым сумеркам. Степь наливалась предзакатной синевой, в воздухе зазвенели цикады. Я сидела за массивным столом в диспетчерской, разложив перед собой карты полей и распечатки накладных. Баба Шура хлопотала у самовара, дед Савелий — сухонький, седой токарь с пронзительными васильковыми глазами — правил резцы на оселке, переговариваясь с дедом Егором, старейшим кузнецом станции.

Вдруг воздух задрожал.

Глухой, надсадный рев тяжелого дизеля донесся со стороны восточного тракта. Мотор захлебывался, стрелял в глушитель черными клубами копоти, словно исполин тащился из последних сил.

Захар выскочил из токарного пролета, вытирая руки ветошью.

В распахнутые ворота МТС, волоча шлейф дыма и едкий запах горячей гидравлики, вполз зерноуборочный комбайн «Акрос-530». Огромная машина с семиметровой жаткой на прицепной тележке хрипела, перекосившись на правый борт: наклонная камера неестественно задралась, а из-под защитного кожуха наклонной камеры хлестало кипящее масло, за-

ливая коллeктор.

Следом за комбайном на плац, взвизгнув тормозами, влетела служебная «Нива». Из нее выскочил грузный мужчина в помятой льняной рубаше с багровым от отчаяния лицом — председатель колхоза «Заря» Василий Громов.

— Буров! Захар! — заорал Громов, срывая с головы кепку и швыряя ее об асфальт. — Всё! Крышка нам! Конец жатве!

Механизаторы высыпали из боксов, окружив комбайн кольцом. Захар подошел стремительно, жестом приказал глушить мотор и сдернул щиток молотилки. Густое облако сизого дыма вырвалось наружу.

— Не голоси, Василий Степанович, — глухо бросил Захар. — Людей не пугай. Что стряслось?

— Что стряслось?! — Громов схватился за сердце, тяжело дыша. — Завтра в семь утра официальный старт уборочной в районе! Десять тысяч гектаров элитного зерна осыплются! Если завтра тридцать комбайнов в загонку не встанут — хозяйства по миру пойдут! А флагман сдох на обкатке! Вариатор жатки клина словил, шестерни в фарш смололо, вал свернуло в винт! А в районе запчастей нет!

— Как нет? — прищурился Захар. — База «Агроснаб» неделю назад рапортовала о готовности обменного фонда.

— «Агроснаб» твой с потрохами Куприянову сдали! — в ярости крикнул председатель. — Я к нему сегодня на базу сунулся — сидит в кабинете этот пес, четками золотыми поигрывает: «Узлы есть, оригинальные, из Ростова. Только

цена — триста тысяч за редуктор наличными прямо сейчас, либо отдавай мне элеватор под залог урожая по три рубля за килограмм!»». Бандит! Он же весь район на колени ставит!

Среди механизаторов прокатился глухой ропот. Васька сжал монтировку так, что побелели костяшки, дед Егор сурово сплюнул под ноги.

Я вышла на крыльцо конторы, сжимая фотоаппарат и блокнот. Захар поднял голову, поймал мой взгляд и коротко бросил:

— Мишка, неси съемники и ключи на сорок шесть. Разбираем узел. Надо посмотреть, что там Куприянов фермерам продавал.

Съемники принесли из инструменталки, и мы собрались у разобранного узла.

Через сорок минут разорванный редуктор привода жатки лежал на чистом дощатом верстаке под мощной лампой. Вокруг стола стеной стояли два десятка мужиков — комбайнеры, слесари, токари. Их лица, освещенные резким светом, казались высеченными из темного камня.

Узел представлял собой печальное зрелище: ведущая коническая шестерня раскололась на три неровных куса, зубья ведомой были слизаны, превратившись в металлическую крошку, перемешанную с горелой смазкой.

Захар стоял, скрестив руки на груди, хмуро разглядывая обломки.

— Ну что, спецы? Кто брал эти узлы на базе?

— Шофер мой возил, неделю назад со склада получил, — подавленно отозвался Громов. — Заводская упаковка, пломбы, синее клеймо «Ростсельмаша» на коробке... Мы же за них бешеные деньги отдали!

— Разрешите? — я протиснулась сквозь строй механизаторов, выкладывая на верстак плоский черный саквояж.

Мужики недоверчиво расступились. Громов махнул рукой:

— Девушка, ну куда вы лезете? Тут мужики хлеб спасают, а вы с блокнотами...

— Помолчи, Степаныч, — весомо оборвал его Захар. Он шагнул ко мне, заглядывая в чемоданчик: — Показывай, Волкова. Что у тебя там?

— Комплект полевой дефектоскопии, — ответила я, надевая белые латексные перчатки. — То, чем я занимаюсь последние пять лет.

Я достала лупу со светодиодной подсветкой, пузырек с четырехпроцентным раствором азотной кислоты в спирте и переносной твердомер.

Первым делом я направила лупу на линию излома самого крупного осколка.

— Смотрите сами, — я подозвала Захара ближе. Он наклонился, его плечо прижалось к моему, горячее дыхание коснулось щеки. — Видите структуру? Зерно светлое, кристаллическое, рыхлое, с явными следами пор. Настоящая ковкая легированная сталь марки 40ХН2МА, которую мы вы-

брали для ремонтной детали, должна выдерживать нагрузку, а здесь поры выходят прямо к корню зуба. А это...

Я капнула пипеткой кислотный реактив на зачищенную напильником площадку металла. Наблюдала, как реактив смачивает пористую поверхность, затем промокнула площадку салфеткой.

— Силумин, — жестко констатировала я. — Похоже на вторичный алюминиево-кремниевый сплав. Пористая кустарная отливка. Состав подтвердит лаборатория.

— Не может быть... — прошептал побледневший Громов. — Там же клеймо заводское!

Я взяла фонарик и направила луч на боковую грань уцелевшего фрагмента ступицы, где красовалась надпись: «Агро-Резерв. Ростов».

— Маркировка напечатана поверх черной краски, — я провела ногтем по буквам, сдирая краску вместе с пленкой. — На соседней заводской детали знак выбит в металле. Здесь краска сходит вместе с буквами. А теперь — контрольный замер.

Я прижала датчик твердомера к телу шестерни и нажала спуск. Прибор выдал подозрительно низкое показание. Я повторила замер на другом участке и записала оба результата.

В цеху повисла звенящая тишина.

— По техническим условиям твердость зубьев после закалки должна быть в пределах 58–62 единиц по Роквеллу, — отчеканила я, поднимая глаза на Захара. — На этом мате-

риале стальная шкала прибора даст лишь ориентир; для заключения нужен лабораторный замер. Поры у корней зубьев объясняют, почему деталь разлетелась на обкатке.

— Сволочи... — выдохнул дед Савелий, ударив кулаком по тискам. — Диверсия чистой воды!

— На вашем хлебе он дважды нажиться решил, дед Савелий, — я обвела взглядом мужиков. — Сначала на запчастях, потом на урожае. Статья 159, часть четвертая — мошенничество в особо крупном размере. По документам моего расследования Виктор Куприянов закупил партию дешевого брака по цене лома, подделал маркировку и загнал хозяйствам по цене оригинальных запчастей, чтобы в канун жатвы парализовать технику и за бесценок скупить урожай.

Захар медленно взял расколотый кусок шестерни в ладонь. Пальцы сжались. Его предплечье вздулось буграми мышц, челюсти сжались. Он швырнул обломок на верстак. От пористого края откололась серая крошка.

— Хлеб они решили у мужиков украсть... — голос Захара упал до леденящего шепота. Он посмотрел на меня — и в глубине его глаз полыхнуло такое пламя праведной ярости, что я поняла: этот человек пойдет до конца. — Спасибо, Марина. Ты нам глаза открыла.

Он повернулся к председателю:

— Хватит сопли жевать, Громов. Ни рубля Куприянов не получит. И элеватор наш не увидит. Флагман завтра утром пойдет в поле.

— Захар, да как же он пойдет?! Запчасти-то где взять за одну ночь?!

— Сами сделаем, — отрезал Буров. — Своими руками.

После этих слов мужики потянулись к станкам, а я развернула миллиметровку.

Ночь накрыла станцию бархатным пологом, рассыпав по небу яркие звезды. В цеху вспыхнули гирлянды прожекторов. Мужики заняли рабочие места.

Захар сбросил куртку, оставшись в серой майке, обтягивающей широченную, бугрящуюся литыми мышцами спину. Он подошел к тяжелому токарно-винторезному станку 1К62 завода «Красный пролетарий» — гордости местного участка. Станок был вычищен, направляющие станины блестели свежим маслом.

Дед Савелий торжественно, на двух вытянутых руках, словно драгоценный слиток, поднес к станку круглую болванку стали длиной триста миллиметров и диаметром сто миллиметров.

— Вот она, Захарушка, — благоговейно произнес старик. — Еще с советских резервов сберег. Легированная, сорок-хэ-эн-два-эм-а. Никель, хром, молибден. Чистейший металл, кованный, без единой раковины. Держи.

Захар принял двадцатикилограммовую болванку, легко вскинул в патрон трехкулачкового зажима и затянул ключом до звона.

— Марина, — позвал он меня, не оборачиваясь. — Чер-

теж набросаешь по осколкам?

— Уже готов, — я подошла к суппорту, расстилая лист миллиметровки. За полчаса по фрагментам разорванной шестерни я восстановила модуль зацепления, угол наклона зубьев и размеры вала с учетом тепловых зазоров. — Модуль четыре с половиной, двадцать четыре зуба, конусность один к трем. На шейках допуск — минус две сотки.

Захар склонился над чертежом. Его широкое, опаленное кузнечным жаром плечо почти касалось моего лица. Он вгляделся в линии туши, затем перевел взгляд на меня:

— Ты чудо, Волкова. Настоящий заводской конструктор. Стой рядом, будешь микрометром чистовые проходы лавить.

Он нажал черную кнопку пуска. Станок с басовым рокотом ожил. Захар включил коробку скоростей, подвел суппорт и вогнал резец из твердого сплава ВК8 в тело вращающейся болванки.

Горячая стружка ударила в щиток. Раздался долгий, поющий свист снимаемого металла. Тонкая, упругая стружка с шипением закручивалась в кольца и осыпалась в поддон. Захар работал с пугающей точностью: его могучие руки вращали маховики подач с грацией музыканта, подправляя подачу по звуку резца. Помпа подавала белую эмульсию СОЖ прямо в зону реза, цех наполнился запахом горячего мыльного пара и каленого железа.

Я стояла у станины с микрометром. Для каждого заме-

ра Захар останавливал шпиндель, и я проверяла посадочную шейку вала.

— Еще пять соток сними, Захар, — шептала я, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Снимем, милая. Всё снимем в ноль, — отзывался он проникающим в самое сердце басом.

В какой-то момент, когда мы вместе проверяли соосность конуса, его широкая, горячая ладонь легла поверх моих пальцев на рукояти микрометра. Время словно остановилось. Гул цеха, свист ремней, голоса рабочих — все отодвинулось. Сквозь металл инструмента я чувствовала бешеный ритм его пульса, тяжелое дыхание великана над ухом и непреодолимое, пьянящее притяжение, связавшее нас за эти несколько безумных часов крепче любой стали. Захар сжал мою ладонь и медленно повернул голову, наши глаза встретились в полумраке, и в его темном взгляде жила теплая мужская нежность.

После токарной обработки дед Савелий перенес заготовку на зуборезный станок. К часу ночи зубья были нарезаны. Захар снял сияющий зеркальной полировкой вал-шестерню, передал его деду Егору, и кузнецы погрузили деталь в раскаленное жерло термической печи для нагрева под закалку, а затем закалили в масле и провели отпуск по карте Савелия.

После закалки и отпуска я зачистила площадку и прижала к зубу датчик твердомера.

Прибор пискнул. Я сверила твердость с картой: деталь

прошла контроль.

— Идеал! — крикнул Васька. — Чистая броня!

Сборка заняла сорок минут. Мужики на руках завели тяжелый редуктор в чрево наклонной камеры «Акроса», затащили болты, залили масло ТАД-17и и натянули приводные клиновые ремни.

Захар лично поднялся по металлическому трапу на мостик комбайна.

— От винта! — крикнул он в ночь.

Стартер тяжело провернул маховик дизеля ЯМЗ-238. Секунда — и исполин взорвался оглушительным, ровным, победным рокотом! Захар плавно потянул рычаг молотилки: семиметровая жатка комбайна вздрогнула, мотовило начало нарезать круги, а режущий нож заходил в сегментах со скоростью швейной иглы — без единого скрипа, без биения, с безупречной мягкостью хода!

В цеху грянуло дружное «Ура!», перекрывшее шум мотора. Мужики обнимались, хлопали друг друга по замасленным плечам, Громов с мокрыми глазами тряс руку Захару, не находя слов.

Флагман был готов. Остальной парк еще ждал запчастей.

Глава 3. Ночь в пятистенке

Я убрала прибор в кофр, пока в цеху гасили огни. Было уже около двух ночи. Усталые, но счастливые механизаторы расходились по домам, чтобы урвать пару часов сна перед утренней битвой за урожай.

Мы вышли с Захаром на широкий темный двор МТС. Степная ночь дышала прохладой, пахло прибитой росой пылью, донником и спелой пшеницей. Тишина казалась оглушительной после суточного грохота моторов.

Я пошатнулась от навалившейся свинцовой усталости — сутки почти без сна и пережитая авария давали о себе знать.

Захар мгновенно оказался рядом. Его тяжелая, теплая рука опустилась мне на плечо, бережно и властно прижимая к своему боку, закрывая от ночного холодного сквозняка.

— Нароботалась, городская? — тихо спросил он, глядя на меня сверху вниз с бесконечной, щемящей теплотой.

— Нароботалась, Захар, — призналась я, прислонившись виском к его твердому плечу и чувствуя, как отступает глухое одиночество долгих столичных лет.

Он указал свободной рукой на темнеющие за вековыми тополями теплые огни просторной бревенчатой усадьбы на берегу реки:

— В гостиницу в райцентр ты сегодня не поедешь, там и крыши толком нет. Пошли ко мне в пятистенок. Солярку с

кожи смоем, баба Шура чаю с мятой согреет, на печи постелет. Отоспишься, наберешься сил. А завтра на рассвете продолжим наш бой.

Я встретила его взгляд, кивнула и сделала шаг рядом с ним, чувствуя, как его рука крепко держит меня за плечо. Наш общий путь только начинался.

Ночной воздух степи обнимал прохладой, пахнувшей донником, речной тиной и спелой сухой полынью. После грохота цеха и перегрузок минувших суток каждый шаг давался мне с трудом — ноги подкашивались, в висках гудела свинцовая усталость. Я шла рядом с Захаром по узкой тропинке к крутому берегу Быстрянки, где за вековыми тополями темнел силуэт его добротного соснового пятистенка.

На влажной доске ступеней крыльца я оступилась — войлочная подошва скользнула.

Захар подхватил меня под локоть. От его широкой, мозолистой ладони исходило ровное, сухое тепло, словно от нагретого солнцем камня, и этот крепкий хват сразу снял судорожную дрожь в моих коленях.

— Осторожнее, Волкова, — негромко сказал он, помогая мне встать на дощатый настил. — Земля у нас строгая, торопливости не прощает. Сперва смыть с тебя дорожную копоть надо. Баня истоплена, на белом пару стоит.

Бревенчатый сруб бани прятался под раскидистой ивой у самой речной заводи. Из приоткрытой двери предбанника тянуло сладковатым духом березовых веников, липовой

стружки и горячих речных камней.

В предбаннике горела тусклая лампа в проволочном кожухе. На лавке аккуратной стопкой лежали чистые холщовые рушники. Я шагнула в парную, чувствуя, как горячий воздух перехватывает дыхание. В полумраке мерцали округлые бока тяжелой каменки, от чугунного котла поднимался белесый пар.

Я потянулась к массивному чугунному ковшу с кипятком, намереваясь разбавить воду в шайке, но пальцы дрогнули — тяжелый ковш едва не выскользнул из ослабевших рук.

Захар, вошедший следом, чтобы проверить тягу, мягко перехватил ручку ковша. Его пальцы на мгновение накрыли мои — согрели кожу, и по руке пробежала легкая электрическая волна.

— В моей бане ты гостя, Марина, — тихо, но с непоколебимой твердостью произнес он. — Не рви жилы. Дай о тебе позаботиться.

Он зачерпнул из деревянной кадки густой, настоящий на цветках донника и перечной мяты отвар и плеснул на раскаленные жадеиты каменки.

Камни отозвались протяжным, глухим шипением. Облако ароматного пара клубами взметнулось к липовому потолку, заполнив парную целебной смолистой свежестью. Захар прикрыл заслонку, бросил на меня долгий, теплый взгляд из-под густых бровей и неслышно вышел, притворив за собой тяжелую дверь:

— Грейся, Марина. Ни о чем плохом не думай.

Я осталась одна. Густое травяное тепло мягко опустилось на мои плечи, проникая под кожу, растворяя сковавший тело железный панцирь тревоги. Я опустилась на гладкий липовый полоч, откинула голову назад и закрыла лицо ладонями.

И тут плотину прорвало.

Горячие, беззвучные слезы хлынули по моим щекам, смешиваясь с каплями пота. Месяцы изматывающей борьбы в столице, угрозы за публикации, разбитая машина, страх за архив расследования и леденящий ужас над обрывом Суходола — все, что я прятала за маской невозмутимого и сильного репортера, выходило наружу с этим целебным паром. Я позволила себе выплакаться, пока за дверью Захар готовил мне воду и чистую одежду.

Я плеснула себе в лицо ледяной колодезной водой из деревянной шайки, с наслаждением смывая остатки гари, усталости и слез. Тело звенело легкой, чистой истомой, кожа дышала.

Распахнув липовую дверь, я вышла на дощатые мостки под купол степного неба. Мириады холодных, пронзительно-ярких звезд рассыпались над сонной рекой, в воде дрожали их серебряные отражения. Прохладный ночной ветерок ласкал кожу, наполняя легкие хрустальным воздухом.

В предбаннике на чистом рушнике меня ждал свежий домотканый льняной халат, пахнувший лавандой и сухим солнцем. Я накинула его на плечи, подвязала поясом и мельком

взглянула в старинное медное зеркало на бревенчатой стене. Я провела ладонью по порозовевшей щеке, поправила выбившуюся прядь и улыбнулась своему отражению.

Из распахнутых окон пятистенка донесся умопомрачительный аромат жареной картошки с луком и солеными грибами. Настоящая жизнь ждала меня за порогом.

Горница встретила меня теплом русской печи, тихим мерным тиканьем старинных настенных ходиков и запахом нагретого смолистого дерева. Пол из широких сосновых плах был выскоблен добела.

В центре комнаты стоял массивный стол темного дуба. Посередине исходил паром чугунный горшок с рассыпчатой картошкой, золотистой от поджаренного лука, на глиняных тарелках лежали хрустящие малосольные огурцы, пучки свежего зеленого лука и круглый ломоть домашнего соленого сала с розовыми мясными прожилками.

Захар уже сменил робу на чистую холщовую рубаху с расстегнутым воротом. Заметив меня в дверях, он медленно поднял взгляд. Его темные глаза потеплели, в них промелькнуло неприкрытое мужское восхищение, от которого у меня перехватило дыхание.

Я неловко замерла у притолоки, собираясь сесть на краешек лавки, но Захар поднялся и бережно отодвинул для меня глубокое кресло, сбитое из дубовых брусьев:

— Садись по-человечески, Марина. Ты в моем доме. Здесь бояться некого.

— Спасибо, Захар, — тихо отозвалась я, опускаясь в кресло. Городская привычка держать дистанцию таяла с каждой секундой.

Он взял обеими руками каравай подового ржаного хлеба, испеченного в печи, разломил его пополам с сухим аппетитным хрустом и протянул мне самый пышный, дышащий теплом ломоть:

— Хлеб сегодняшней, баба Шура на рассвете сажала. Попробуй. У нас всё просто, по-мужицки, без столичных изысков. Не побрезгуй.

Я откусила хрустящую корочку. Вкус настоящего зерна, солода и печного дыма был таким глубоким и чистым, что я на мгновение зажмурилась:

— Господи, Захар... В Москве мы покупаем вату в целлофане и думаем, что это еда. Я сто лет не пробовала ничего вкуснее.

Он скупно улыбнулся, положил мне на тарелку горсть картошки:

— Потому что это хлеб с нашей земли. Не покупной. Здесь каждый колос на спинах механизаторов выстрадан.

Я смотрела на его руки — широкие, покрытые сетью застарелых шрамов от металла и въевшейся окалиной, но при этом удивительно чуткие и точные.

— Расскажи про станцию, Захар, — попросила я, глядя ему прямо в глаза. — Почему ты держишь ее, когда вокруг всё растащили и сдали в лом?

Захар опустил взгляд на свои ладони. Лицо его посерьезнело, челюсти напряглись.

— Дед мой, Григорий Буров, фронтовик. До Берлина на танке дошел, дважды горел, — глухо заговорил он. — В сорок шестом вернулся сюда, в голую степь. МТС эту по бревнышку, по станочку собирал, чтобы вдовы и пацаны поля не лопатами копали, а тракторами. Он мне еще мальчишкой сказал: «Захар, пока железо крутится — земля живет. Сдашь станцию под рынок или склады барыгам — хлеб ляжет под дождем, людям зимой жрать нечего будет. Земля предательства не прощает».

Каждое его слово падало в тишину горницы весомо, словно удар кузнечного молота. Захар говорил, поглядывая в окно на темную крышу цеха. Даже здесь, за ужином, он возвращался мыслями к станции.

— Трудно одному? — тихо спросила я.

Глава 4. Дедовская карта

Захар поднял голову. В его темных глазах я увидела глухую, тщательно скрываемую мужскую тоску:

— Трудно, Марина. Мужики за мной идут, верят. За каждым семья, дети. А с кем словом перемолвиться по совести — не было. Пока ты на мосту кофр свой к груди не прижала вместо бабьих слез.

Его голос дрогнул на последней фразе. Сердце мое сжалось от острой волны нежности. Я протянула руку через стол и накрыла своими пальцами его тяжелую, горячую кисть.

Захар вздрогнул. Его пальцы медленно, бережно сомкнулись вокруг моей ладони. Кожа к коже. От его руки исходило такое всепоглощающее тепло, что комната вокруг нас словно растворилась. Я смотрела на него и гладила большим пальцем шрам у основания его ладони. Захар ответил легким нажимом.

Внезапно в стекло низкого окна с улицы резко и торопливо постучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.